

ВОЗВРАЩЕННЫЙ КЮХЕЛЬБЕКЕР

лит. зап. 1979, 18 апр. № 16

П ОЗВОЛЮ себе начать сразу с маленького лирического отступления.

С особым чувством держу в руках только что вышедшую объемистую книгу: В. К. Кюхельбекер «Путешествие. Дневник. Статьи». Главное в этой книге, конечно, дневник.

Дело в том, что первый более или менее серьезный шаг в литературе я сделал (сообща со своим другом — рано погибшим высокоодаренным писателем Сергеем Хмельницким), подготовив к печати и прокомментировав как раз дневник Кюхельбекера (до этого была лишь мелкая газетная и журнальная работа).

И было это во времена, можно сказать, уже баснословные — ровно полвека тому назад. Так удивительно ли, что переиздание книги, к которой когда-то ты сам приложил молодые руки, наводит на воспоминания и размышления?

Но это, понятно, так, к слову. Знаменательно другое: просматривая новое издание дневника, воочию видишь, как далеко вперед шагнула наша наука о литературе.

Полвека тому назад, в 1929 году, еще не были выявлены остатки архива Кюхельбекера, и мы с Хмельницким печатали его дневник по неполной и далеко не совершенной копии. Да и самые возможности, текстологические и комментаторские, были тогда не те, что ныне.

За полвека бесконечно обогатились наши архивохранилища. Чего стоит один ЦГАЛИ — Центральный архив искусства

и литературы СССР, которого в ту пору вообще еще не было и без которого сейчас немислимо представить себе объем и облик нашей культуры. Литературное источниковедение накопило за минувшие полвека великое множество новых важнейших фактов, без которых уже не обойтись, изучая дальнейшее и близкое прошлое русской литературы. Уточнилась и угончилась техника текстологии.

Все это хорошо известно специалистам, но знать об этом полезно и широким массам любителей и ценителей литературы. Далеко не всегда громкая и плодотворная работа, что ведется в этой области, получает достаточное освещение и заслуженную оценку.

О нынешнем уровне советского литературоведения можно судить и по новому изданию прозы Кюхельбекера. Книга подготовлена тщательно и умело. Интересна и содержательна сопроводительная статья «Личность и литературная позиция Кюхельбекера». Строго деловой характер, без всякого рода излишеств, носят примечания, потребовавшие изрядной эрудиции. Текст дневника воспроизведен со всей возможной полнотой, отчасти мозаически, поскольку он дошел до нас не целиком, а фрагментарно, подчас в совсем дробных отрывках. В общем, составителями проделана большая работа — и книга получилась солидная, как и многие другие выпуски академической серии «Литературные памятники», завоевавшей признание читателя.

Все это сказано в порядке вступления.

Суть же дела — в самом Кюхельбекере, в том, каким предстает он на страницах этой уникальной книги.

Необыкновенно привлекательна его личность! Удивительны размах и интенсивность его литературной работы!

...Всякий раз, перечитывая дневник Кюхельбекера, нельзя не поддаться душевному волнению.

Писатель, совершенно обездоленный, лишенный общения с миром, отрезанный от среды и читателей, от текущей литературы, проявляющийся чтением случайных книг и старых журналов, в немислимых условиях одиночных камер царевых казематов и ледяной забайкальской ссылки с поистине редким упорством продолжает литературную работу, больше того — продолжает бороться за свое понимание литературы и за то, чтобы получить возможность довести это свое понимание до читателя.

Попытки, заведомо обреченные на неуспех. Против бесправного узника и ссылнопоселенца стеной стоит вся громада деспотического государства — мстительный царь, его сатрапы, политическая полиция, цензура, озлобленные и невежественные тюремщики...

А он — хилый, больной, наивно-чудаковатый — не сдаётся и борется изо всех своих слабых сил. Ему даже удается, путем всякого рода ухищрений и обходных маневров, при деятельной помощи Пушкина и его друзей, издать кое-

что — сущие крохи — под чужим именем или вовсе без имени.

Поистине борьба Давида с Голиафом — кстати сказать, один из литературных сюжетов, разработанный Кюхельбекером и имевший для него особенно глубокий смысл.

Читаешь дневник — и видишь напряженнейшую, ни на день не прерывавшуюся творческую работу: лирика, поэмы, монументальные стихотворные эпопеи («Давид», «Вечный Жид»), драмы и комедии, романы, переводы из Шекспира, рассуждение о шекспировых трагедиях, статьи литературно-критического и лингвистического характера... Читаешь — и дивишься святой одержимости писателя, для которого не было ничего выше исполнения своего долга.

До чего же все это характерно для русской литературы! И до чего же поучительно — даже и в наше время!

До нас дошло одно замечательное письмо Кюхельбекера — уже предсмертное. Это человеческий документ большой нравственной силы.

Письмо к всеобщему заступнику и ходатаю Василию Андреевичу Жуковскому от 11 июня 1846 года из Тобольска, где нищий, больной, ослепший Кюхельбекер погибал без тени надежды на спасение. Письмо написано чужой рукой: Кюхельбекер ковал нацарапал только подписи: Вильгельм. Ровно через два месяца — 11 августа — он умер.

Погибающий вызывает о спасении — не себя, но того, что

ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ

им создано. «Говорю с поэтом, и сверх того полуумирающий приобретает право говорить без больших церемоний...»

А дальше идет поразительная фраза, которую Кюхельбекер велел подчеркнуть: «Я чувствую, знаю, я убежден совершенно, точно так же, как убежден в своем существовании, что Россия не десятками может противопоставить европейцам писателей, равных мне по воображению, по творческой силе, по учености и разнообразию сочинений».

И еще дальше: «Простите мне, добрейший мой наставник и первый руководитель на поприще Поэзии, эту мою гордую выходку! Но, право, сердце кровью залезается, если подумаешь, что все, все мною созданное, вместе со мною погибнет, как звук пустой, как ничтожный отголосок!»

Это ли не свидетельствует о высоте души поэта!

К счастью, «рукописи не горят»... Чудом дошел до нас голос загубленного царизмом большого русского писателя, которому сам Пушкин сказал: «Мой брат родной по музе, по судьбам»... Это многого стоит.

В своем литературном завещании Кюхельбекер просил издать «извлечения» из его дневника, которые, по его расчету, должны бы составить «пять или шесть больших томов». Сейчас, 133 года спустя, его воля выполнена — в той мере, в какой это оказалось возможным.

Как хорошо, что мы помним, ценим, любим, издаем Кюхельбекера!